

ТИХОМ ХМАРА

Ирина Лобусова

ТИХОМ ХМАРА

**И ИСЧЕЗНУВШАЯ
МОНАХИНЯ**

Харьков
«ФОЛІО»
2022

Вступление

*Одесса, Свято-Архангело-Михайловский женский монастырь.
4 марта 1869 года, 21 час 05 минут*

Список был закончен к вечеру. И после всенощной, вернувшись в библиотеку, сестра Мария бегло пробежала его глазами и осталась удовлетворена — больше добавить было нечего.

Отложив перо в сторону, монахиня сложила список пополам. Да, именно в таком виде она отдаст его настоятельнице. Отдаст, прежде чем... Вздрыгнув всем телом, она бросила листок бумаги на стол. Медленно повернулась к иконостасу в углу. Дрожащий огонек лампадки пытался пробиться сквозь ночную тьму. Словно лучик надежды изо всех сил старался добраться до мрачных дрожащих по углам теней.

Сестра Мария поднялась из-за стола и тут же рухнула на колени. Свеча, освещавшая стол, дрогнула, но не погасла.

— Матерь Божья, заступница... — слабая женская рука метнулась в отбрасываемом пламени, белой тревожной птицей затрепетала в воздухе в крестном знамении, бросая на стены рваные мятущиеся тени. — Матерь Божья... Архангел Михаил... Святые угодники... Отведите от меня кару сию... Прости меня, грешную, Господи, сохрани в этот

мрачный час скорби... Избавь меня от этой ноши! Избавь от кары, Всевышний, и от лукавого...

Тусклый свет свечи падал на коленопреклоненную фигуру монахини, без устали творившую крестное знамение. Слова, дрожащие в воздухе, не были обычной молитвой — быстрое, какое-то лихорадочное, почти бессвязное повторение мольбы к разным святым больше напоминало поток сознания.

Хаотично поднимая вверх руки, монахиня раз за разом осеняла себя крестом и все продолжала просить. В голосе ее, то тихом, как шепот, то срывавшемся на крик, отчетливо были слышны и тревожные ноты, и отзвуки самой настоящей истерики.

Будь в помещении больше света, можно было бы отчетливо различить бледное как смерть, буквально обескровленное лицо. Если бы не горящие глаза, оно могло бы показаться мертвым. Только в глазах светилась бесконечная жизнь — и свет этой тревожной, чересчур страстной как для монахини жизни отражался на ее лице, по которому блуждали неровные тени — от постоянно движущихся в свете свечи рук.

На лице сестры Марии застыл смертельный страх. Это он заставлял ее то шептать, то выкрикивать глухие мольбы в ночь, казавшуюся ей бесконечной.

Страх двигал ее телом, страх светился в глазах и судорогами отражался на обескровленном лице, страх заставлял взмахивать руками, совершая бесконечный круговорот крестных знамений. Однако в позе женщины, стоящей на коленях и охваченной страхом, не читалось покорности судьбе. Наоборот — внезапно резко выпрямленная спина указала на принятое решение: бороться до последнего.

Молитвы монахини были ее высшей защитой от этого страха, ожидающего ее за порогом комнаты. Страх, который, несмотря на всю свою решимость, она так и не смогла преодолеть.

— Отче наш, иже еси на небеси... Во имя Отца, Сына и Святаго Духа... Да святится имя твое, да будет царствие твое на земле и на небе... Защити, Господи, защити, святым крестом молю! Богородица, заступница, не дай погибнуть во мраке разверстой передо мной преисподней... Спаси и сохрани! Пусть сгинет этот черный день поскорей и наступит покой в нашей обители... Пощади и защити, Господи... И не введи нас во искушение, и избави нас от лукавого...

Руки взметались вверх, и крестные знамения становились все более энергичными, отчаянными, стремительными.

Было ясно, что от ужаса и тяжелого эмоционального состояния, в котором находилась монахиня, все слова перепутались в ее голове. Ужас ясней любых слов искажал черты ее лица, заставляя горячо молиться.

Именно в этот момент и раздался первый удар грома, а молния, взорвавшись снаружи, ворвалась ярким белым светом в резные окна.

Монахиня отчаянно вскрикнула, схватилась за сердце и замерла так на несколько секунд. Казалось, что она перестала дышать — таким глубоким было ее оцепенение.

Яркая белая молния, снова ворвавшись в резные створчатые окна, отчетливо осветила шкафы с огромным количеством книг. Книги здесь были повсюду — в шкафах, на отдельно стоящих стеллажах. На деревянных полках, прикрепленных к стенам, лежали рукописи на бумаге или на пергаменте. Свернутые в трубочку или находящиеся в пап-

ках, эти рукописи были расположены в идеальном порядке. И несмотря на их количество — слишком большое для двух комнат библиотеки — было видно, что порядок этот поддерживался очень строго.

У окна стоял письменный столик с низеньким, приземистым табуретом. На нем были разложены все принадлежности, необходимые для письма. Перья и чернильницы разных видов и форм, печатки с сургучом, угольные и свинцовые карандаши, промокательная бумага. На поверхности столика было множество чернильных пятен — было видно, что здесь работали много.

На столе лежало несколько рукописей — стопки бумажных листков, положенных один на другой, и, очевидно, самый древний вариант — пергамент, свернутый в трубку. Он оставался желтым даже в белом свете молнии, из чего следовало, что сам этот документ был очень старым.

На этом фоне отчетливо выделялся белый листок — список книг, составленный сестрой Марией.

Второй удар грома, намного более мощный и долгий, чем первый, застал монахиню врасплох. Вскрикнув, она вдруг упала ничком на пол, накрыла голову обеими руками:

— Защити, Господи! Убереги нас от этого зла! — закричала она темноту. По комнате — по стенам, по корешкам книг — заметались отблески ярких белых молний.

Следом за вторым ударом хлынул сильнейший дождь. Вся комната вдруг наполнилась шипением, стуком бьющихся о жестяной карниз и о стекло хлестких струй. Стало прохладно и сыро — холодный воздух, который принес с собой дождь, просочился сквозь щели окна. Но монахиня не замечала холода. Наоборот, распрямившись, она при-

нялась молиться еще более неистово и словами молитвы пыталась заглушить шум дождя.

Со стороны это выглядело довольно жутко — хлесткий ливень, шипевший яростью, изо всех сил бьющий по крышам здания, и дрожащий, надрывный голос, в котором звучали то надежда, то отчаянная мольба, то требование...

В этот момент раздался стук в дверь, который монахиня услышала не сразу. А услышав, вдруг замерла точно так же, как и в самом начале грозы.

Когда же стук повторился в третий раз, она с трудом поднялась с колен и распахнула дверь. За ней стояла настоятельница — игуменья монастыря матушка Олимпиада.

Решительно выпрямившись и явно приняв какое-то решение, монахиня посторонилась в дверях, пропуская настоятельница в комнату.

— Сестра Мария, нам пора.

— Благословите, матушка! — Монахиня вновь опустилась на колени.

Однако, получив благословение, не поспешила идти вслед за настоятельницей, которая стремительно направилась к двери.

— Сестра Мария, нам пора! — нетерпеливо повернулась та в дверях.

— Я хотела бы с вами поговорить, — твердо произнесла монахиня, оставаясь на месте, — я составила полный список книг, пропавших из библиотеки, и прошу вас ознакомиться с ним очень внимательно.

— Завтра. Сейчас у нас нет времени.

— Я прошу вас найти это время. Иначе миссия моя будет закончена.

Обернувшись, настоятельница шагнула назад в комнату и тщательно закрыла дверь.

— Сейчас не время, — нетерпеливо повторила она.

— Тогда я отказываюсь выполнять ваше приказание.

— Но это невозможно! — По лицу настоятельница пробежала мрачная тень. — Вы не можете отказаться! Вы давали обет полного послушания! Ведь наш монастырь в опасности, и...

— Я знаю это, — бесцеремонно прервала сестра Мария, — однако я вынуждена повторить свою просьбу. Если же вы ее не выполните, то я не только не сумею исполнить приказание, но и подвергну монастырь еще большей опасности.

— Объясните, — холодно произнесла настоятельница.

— Список книг выглядит странным. Я пыталась найти принцип, по которому были выбраны именно эти книги. Сделать это было достаточно сложно, но у меня появилась одна догадка. Думаю, с тем, что происходит сейчас в монастыре, существует прямая связь. Кроме того, перевод, о котором вы меня просили...

— Что за глупости! — Игуменья раздраженно передернула плечами. — Это плод вашей фантазии, не больше! Завтра мы поговорим в спокойной обстановке.

— Но вы должны меня выслушать! — с отчаянием крикнула сестра Мария. — Иначе я не найду в себе ни силы, ни веры! К тому же я никогда не сталкивалась с подобным!

— Никто из нас не сталкивался, в том и беда, — сокрушенно произнесла настоятельница.

— И... я боюсь! — вырвалось у сестры Марии. Когда она наконец-то произнесла эти слова, лицо ее расслабилось.

— Я понимаю вас, сестра, — настоятельница ласково взяла ее за руку. — Признаюсь вам — я боюсь не меньше. Но

если от страха наши новые сестры просто упадут в обморок или сбегут, вы, я уверена, выдержите испытание с честью!

— А я вот не уверена в этом, — сестра Мария с отчаянием мотнула головой.

— А я в вас даже не сомневаюсь, — игуменья вздохнула. — Хорошо, чтобы облегчить ваши муки, обещаю вам, что на втором часу смогу к вам присоединиться.

— На втором часу! — в ужасе воскликнула сестра Мария. — Да я не выдержу там и десяти минут!

— Но мне некого послать, кроме вас! — с отчаянием произнесла настоятельница. — Вы знаете о строгом соблюдении тайны! Мы обязаны строго ее сохранять, иначе весь наш монастырь будет подвергнут страшной опасности! А кого я могу посвятить в эту тайну — опытного, проверенного временем, преданного человека или новеньких, желторотых послушниц? Или тех монахинь, которые прибыли всего неделю назад? Если вы не хотите закрытия нашей обители и вечного нам всем позора, вы не бросите меня на произвол судьбы и согласитесь! Поймите, другого выхода у нас просто нет. И потом, это всего лишь одна ночь.

— Я согласилась бы с вами, если бы не этот список, — устало произнесла сестра Мария, склонив голову. — Все ваши опасения я могу понять. Но я прошу выслушать меня хотя бы насчет перевода.

— Говорите, — нахмурилась матушка Олимпиада.

Сестра Мария быстро рванулась к рабочему письменному столу возле окна, порылась в груде бумаг, извлекла оттуда наполовину исписанный лист и протянула настоятельнице. Та пробежала листок глазами и взглянула на монахиню. Лицо ее выражало самое искреннее недоумение.

— Что это такое? — Впервые за все время разговора в голосе настоятельницы прозвучала глубокая растерянность.

— Я перевела весь текст, — уверенно ответила сестра Мария, — все, что было сказано, от начала и до конца. И я пришла к выводу, что никакой это не текст, а просто бессвязный набор звуков и несуществующих слов. Этот текст не имеет никакого смысла. Это не послание.

— Вы уверены? — Игуменья смотрела на нее во все глаза.

— Абсолютно! А раз так, то выходит, что это может быть совсем не то, что мы с вами предполагали! Что наше заключение, все наши выводы могут быть неверными.

— Что же это тогда?

— Я не знаю. Но все может обстоять совсем не так, как мы думаем.

— Это невозможно! — Нахмурившись, настоятельница немного помолчала, затем снова повторила: — Нет, это невозможно! Я не сомневаюсь в ваших знаниях, сестра Мария, но... Пусть эту загадку решают те, кто придет к нам завтра. А пока наша задача — выполнить свой долг.

— И смещение языков, — словно не слыша, продолжала говорить сестра Мария. — Начат текст по-древнегречески, затем — вообще буквы, которых не существует ни в одном языке, просто какой-то набор без смысла, и заканчивается все современным греческим. А так быть совершенно не может, в случае, если...

Монахиня запнулась. Лицо настоятельницы стало бесстрастным. Она молчала.

— И по поводу списка книг. Моя догадка заключается в том, что я пыталась оценить их стоимость. Стоимость в миру, которая...

Содержание

Вступление	3
Глава 1.	12
Глава 2.	21
Глава 3.	32
Глава 4.	41
Глава 5.	50
Глава 6.	60
Глава 7.	69
Глава 8.	79
Глава 9.	89
Глава 10	98
Глава 11	107
Глава 12	118
Глава 13	128
Глава 14	138
Глава 15	148
Глава 16	159
Глава 17	168
Глава 18	179
Глава 19	189
Глава 20	199
Глава 21	210
Глава 22	219
Глава 23	229
Глава 24	240
Эпилог	249